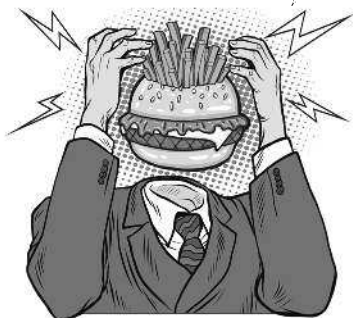

ДОКТОР
КЕННЕДИ ТУЛ

ДЖОН КЕННЕДИ ТУЛ

**СЛОВОР
ОСТОЛОПОВ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Т82

Серия «Чак Паланик и его бойцовский клуб»

John Kennedy Toole

A CONFEDERACY OF DUNCES

Перевод с английского *М. Немцова*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения литературных агентств
McIntosh and Otis и Andrew Nurnberg.

Книга содержит нецензурную брань

Тул, Джон Кеннеди.

Т82 Сговор остолопов : [роман] / Джон Кеннеди Тул ;
[пер. с англ. М. Немцова]. — Москва : Издательство
АСТ, 2017. — 480 с. — (Чак Паланик и его бойцовский
клуб).

ISBN 978-5-17-103514-3

Новый Орлеан. Город, в котором смешалось невообразимое множество рас, характеров, вер и увлечений. Парадная роскошь — и задние улочки, где жизнь кипит и днем, и ночью. И именно здесь живет один из самых причудливых литературных персонажей Игнациус Райлли, или просто Туся, как зовет его мать. Он лентяй — но лентяй деятельный и страстный. Обжора, посмешище, идеолог и идиот, точно знающий, как наилучшим образом обустроить окружающий мир. Дон Кихот и Фальстаф в одном теле, он отважно выступает против Фрейда, гомосексуалистов, гетеросексуалов, протестантов и всевозможных излишеств современности, набивая шишки и синяки и демонстрируя их с гордостью орденоносца. Фома Аквинский назвал бы его своим возлюбленным братом. Гаргантюа расцеловал бы в обе щеки и пожаловал герцогством. А господин Новый Орлеан просто и скромно гордится, что у него есть такой сын — неограниченный бриллиант яростного юмора и неутолимого сарказма.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© John Kennedy Toole Jr., 2015
© Перевод. М. Немцов, 2017
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-103514-3

*Когда на свете появляется истинный гений,
вы можете его узнать вот по какому признаку:
все остолопы вступают против него в сговор.*

Джонатан Свифт.

Мысли по различным поводам,
как поучительным, так и забавным

Существует новоорлеанский городской выговор... который ассоциируется с самым центром Нового Орлеана, в особенности — с немецким и ирландским Третьим Округом; его трудно отличить от акцентов Хобокена, Нью-Джерси и Астории, Лонг-Айленда, куда перебрались вышедшие в Манхэттене интонации Эла Смита*. Причина, как легко догадаться, в том, что Новому Орлеану этот выговор достался оттуда же, откуда он попал на Манхэттен.

— Вот тут ты прав. Мы — средиземноморцы. Я ни разу в жизни не был ни в Греции, ни в Италии, но уверен — стоит сойти там на берег, и я почувствую себя как дома.

Еще бы, подумал я. Новый Орлеан напоминает Геную или Марсель, Бейрут или египетскую Александрию сильнее, чем Нью-Йорк, хотя все морские порты больше схожи друг с другом, чем с любыми городами на суше. Как Гава-на и Порт-о-Пренс, Новый Орлеан попадает в орбиту эллинистического мира, что так и не коснулся Северной Атлантики. Средиземное, Карибское моря и Мексиканский залив образуют однородное, хотя и прерывистое, море.

Э. Дж. Либлинг. Граф Луизианы**

---

* Альфред Эмануэл (Эл) Смит (1873–1944) — американский государственный деятель, четыре раза избирался мэром Нью-Йорка. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** Эбботт Джозеф Либлинг (1904–1963) — американский журналист, с 1935 г. работавший в журнале «Нью-Йоркер».

ОДИН

I

Зеленая охотничья шапочка стискивала верхушку мясистого пузыря головы. По обе стороны поворотными огнями, указывая сразу в два противоположных направления, торчали зеленые наушники — неудачно маскируя крупные локаторы, а также нестриженные космы и нежную щетину, произраставшую непосредственно в слуховых отверстиях. Из-под кустистых черных усов выпирали пухлые, укоризненно поджатые губы, к уголкам своим постепенно утопавшие в складках, переполненных неодобрением и крошками картофельных чипсов. Из тени зеленого козырька, ища признаков дурновкусия в платье, надменные изжелта-небесные буркалы Игнациуса Ж. Райлли снисходительно озирали народ, в ожидании толпившийся под часами универсального магазина «Д. Х. Хоумз». Некоторые наряды, отмечал Игнациус, достаточно дороги и новы, чтобы в надлежащей мере считаться преступлением против вкуса и пристойности. Владение чем угодно дорогим или новым лишь отражает нехватку у данной личности теологии и геометрии; и даже может кинуть тень сомнения на душу человеческую.

Сам Игнациус был обряжен комфортабельно и разумно. Охотничья шапочка предотвращала простуду головы. Объемистые твидовые брюки долговременного пользования были прочны и позволяли необычайную широту маневра. В их перекатах и укромных уголках всегда можно было отыскать карманы теплого затхлого воздуха, что так умиротворял Игнациуса. Толстая фланелевая рубашка

в клетку отменяла необходимость куртки, а кашне защищало неприкрытую кожу между наушниками и воротником. Подобный наряд можно считать приемлемым по любым теологическим и геометрическим стандартам, сколь бы невразумительными те ни казались: он предполагал наличие богатой внутренней жизни.

По-слоновьи переместив вес с одного бедра на другое, под твидом и фланелью Игнациус прогнал телесные валы, разбив их о швы и застёжки. Перегруппировавшись таким образом, он подверг созерцанию тот долгий промежуток времени, что истратил на ожидание матери. Обдумывал он, главным образом, неудобство, каковое уже начинал испытывать: стало казаться, что все его существо готово вырваться из разбухших замшевых сапог пустынной модели, — и, дабы в этом удостовериться, Игнациус обратил свои исключительные зенки к ногам. Ноги в самом деле выглядели распухшими. Это зрелище готовых лопнуть сапог он изготовился предложить матери — как свидетельство ее недомыслия. Подняв голову, Игнациус увидел, как солнце опускается над Миссисипи в конце Канальной улицы. Часы «Хоумза» утверждали, что уже почти пять. Мысленно Игнациус оттачивал несколько тщательно фразированных обвинений, призванных низвести мать к покаянию или по крайней мере повергнуть в смятение. Ему частенько приходилось указывать матери ее место.

Она привезла его в центр города на древнем «плимуте» и, пока пребывала у врача на предмет артрита, Игнациус купил в «Верлайне» кое-какие ноты для трубы и новую струну к лютне. Потом забрел в «Грошовую аркаду» на Королевской улице проверить, установили там новые игры или нет. Его разочаровало исчезновение миниатюрного механического бейсбола. Возможно, просто убрали в починку. В последний раз отбивающий игрок не работал, и после некоторых споров управляющие вернули Игнациусу никель, хотя людишки из «Грошовой аркады»

оказались настолько низки, что осмелились предположить, будто он сам своротил бейсбольную машину, пнув ее неоднократно.

Сосредоточившись на судьбе маленького бейсбольного автомата, Игнациус отвлек свое естество от заполненной людьми физической реальности Канальной улицы и потому не обратил внимания на пару глаз, пожиравших его из-за одного столба «Д. Х. Хоумза», — пару печальных окуляров, сиявших надеждой и желанием.

Возможно ли отремонтировать механизм в Новом Орлеане? Вероятно. Однако, быть может, придется отправлять его куда-нибудь вроде Милуоки или Чикаго, или в какой-либо другой город, чье название связывалось у Игнациуса с действительными ремонтными мастерскими и непрерывно дымищими фабриками. Игнациус тешил себя надеждой, что с машиной при перевозке будут обращаться аккуратно и ни одного крохотного игрока не поцарапают или не покалечат грубые железнодорожные служащие, полные решимости навсегда разорить железную дорогу исками грузоперевозчиков, — железнодорожные служащие, что устроят впоследствии забастовку и уничтожат Центральную Иллинойскую линию.

Пока Игнациус мысленно созерцал тот восторг, что позволяла испытывать человечеству бейсбольная машинка, пара печальных и жадных окуляров продвигалась сквозь толпу в его направлении, подобно двум торпедам, нацеленным на смутный силуэт огромного танкера. Полицейский ущипнул Игнациусову сумку с нотами.

— У вас какое-нибудь удостоверение личности имеется, мистер? — спросил он тоном, преисполненным надежды, что Игнациус официально никак не удостоверен.

— Что? — Игнациус опустил взор на полицейскую кокарду, красовавшуюся на фуражке. — Вы кто такой?

— Разрешите ваши водительские права?

— Я не вожу. Будьте любезны, ступайте прочь. Я жду маму.

— А что это у вас из сумки болтается?

— А что это, по-вашему, такое, глупое создание? Струна для моей лютни.

— Это еще что? — Полицейский слегка отпрянул. — Вы местный?

— Входит ли в обязанности департамента полиции домогаться меня в то время, как сам этот город — вопиющая столица порока всего цивилизованного мира? — взревел Игнациус, перекрывая шум толпы у входа в магазин. — Этот город знаменит своими шулерами, проститутками, эксгибиционистами, антихристами, алкоголиками, содомитами, наркоманами, фетишистами, онанистами, порнографами, жуликами, девками, любителями мусорить и лесбиянками, и все они чересчур хорошо защищены взятками. Если у вас найдется свободная минута, я, разумеется, пушусь с вами в дискуссию о проблеме преступности, но попробуйте только сделать ошибку, сами побеспокоив *меня*.

Полицейский схватил Игнациуса за руку и немедленно получил по фуражке нотами. Болтавшаяся лютневая струна хлестнула его по уху.

— Э-эй, — обалдело произнес полицейский.

— Заполучите! — вскричал Игнациус, заметив, что вокруг начал собираться контингент заинтересованных покупателей.

Внутри же «Д. Х. Хоумза», в булочном отделе, миссис Райлли прижимала свою материнскую грудь к стеклянному ящику с миндальным печеньем. Пальцем, натруженным многолетней стиркой гигантских пожелтевших кальсон сына, она постучала по стеклу, привлекая продавщицу.

— О, мисс Инес, — выкликнула миссис Райлли на том наречии, какое к югу от Нью-Джерси встречается только в Новом Орлеане, этом Хобокене на Мексиканском заливе. — Сюда-сюда, лапуся.

— Эй, как оно ваше? — отозвалась мисс Инес. — Как себе чувствуете, дорогуша?

— Не то чтоб очень, — правдиво ответила миссис Райлли.

— Нет, ну как обидно, а? — Мисс Инес перегнулась через стеклянный ящик и начисто забыла про свои кексы. — Мне тоже не то чтоб очень. Ноги, знаете ли.

— Боже-сусе, вот бы себе так повезло. У меня в локтё артурит.

— Ой, только не это! — воскликнула мисс Инес с искренним сочувствием. — У моего старикана бедненького оно самое. Мы его заставляем в горячую ванную садиться с кипяченой водой.

— А мой-то мальчонка целый день так и плавает в нашей ванной, так и плавает. Уже в собственную ванну и зайти больше нет возможности.

— А я думала, он у вас женился, золотко.

— Игнациус-то? Э-э-ла-ла, — грустно вздохнула миссис Райлли. — Миленькая вы моя, не хотите ли выбить мне две дюжины вон этого чудного ассорти?

— А я-то думала, вы мне говорили, что он женился у вас, — сказала мисс Инес, укладывая в коробку кексы.

— Да и не заметил даже никого. Та девчоночка, подружка, что он себе завел, так и та же ж хвостом вильнула.

— Ну что ж, куда ему спешить-то?

— Да уж, наверное, — вяло ответила миссис Райлли. — Послушайте, а полдюжины винных кэкссов в придачу мне выбить не хотите? Игнациус таким гадким становится, если у нас кэкссы кончаются.

— Мальчонка ваш, значит, кэксики любит, э?

— Ох ты ж боже-сусе, локоть меня сейчас доконает, — ответила миссис Райлли.

В центре толпы перед универмагом яростно подпрыгивала охотничья шапочка — зеленый центр людского круга.

— Я выйду на связь с мэром, — орал Игнациус.

— Оставьте мальчонку в покое, — раздался голос из толпы.

— Идите ловить стриптизок на Бурбонову улицу, — добавил какой-то старик. — А это хороший парнишка. Он свою мамочку ждет.

— Благодарю вас, — надменно произнес Игнациус. — Я надеюсь, вы все засвидетельствуете это безобразие.

— Ты пойдешь со мной, — заявил полицейский Игнациусу с самоуверенностью, уже шедшей на убыль. Толпа постепенно превращалась в какое-то стадо, а дорожной полицией и не пахло. — Идем в участок.

— Что? Хороший мальчик даже не может мамочку свою дожидаться возле «Д. Х. Хоумза»? — Это снова открыл рот старик. — Говорю вам, никогда раньше в городе такого не бывало. А все — комунясы.

— Это вы меня комунясом назвали? — переспросил полицейский старика, одновременно пытаясь увернуться от рассекавшей воздух лютневой струны. — Вас я тоже привлеку. Смотреть надо, кого комунясом называешь.

— Да тебе меня заарессовать — кишка тонка, — взвился старик. — Да я в клубе состою — «Золотые Седины», под началом у Новоорлеанского департамента отдыха.

— Оставь старика в покое, фараон паршивый, — заорала какая-то тетка. — Может, он чей-нибудь дедуля.

— А я и так дедуля, — ответил старик. — Шестеро внуков, и все у святых сестер учатся. Они у меня еще и мозговитые.

Поверх людских голов Игнациус разглядел, как из вестибюля универмага выплывает мать, волоча в кильватере хлебобулочные изделия, будто мешки с цементом.

— Мамаша! — воззвал он. — А вы пораньше не могли? Меня тут схватили.

Проталкиваясь сквозь народ, миссис Райлли отвечала:

— Игнациус! Это чего тут происходит? Это чего ты уже натворил? Эй, убери лапы от моего мальчонки!

— Да не трогаю я его, дамочка, — оправдывался полицейский. — Этот вот тут вот — сын ваш?

Миссис Райлли ухватила за свистевшую в воздухе струну.

— Разумеется, я ее отпрыск, — произнес Игнациус. — Вы разве не замечаете ее материнской нежности?

— Вишь, как любит свое парнишку, — прибавил старик.

— Чего это ты прицепился к моему несчастному ребенку? — осведомилась миссис Райлли у полицейского. Игнациус огромной лапой потрепал крашенные хной материнские волосы. — Заняться нечем — только на бедных детках отыгрываюсь, а тут такие гады по улицам бегают. Мамулю ждет, подумать только, а его уже заарестовать хочет.

— Предельно ясно, что это дело подлежит рассмотрению Союзом гражданских свобод, — заметил Игнациус, хватаясь лапой за поникшее мамочкино плечо. — Мы должны выйти на Мирну Минкофф, мою утраченную любовь. Ей про такие вещи известно.

— А всё комунясы, — перебил его старик.

— Сколько ему лет? — спросил полицейский миссис Райлли.

— Мне — тридцать, — снисходительно промолвил Игнациус.

— Работаете?

— Игнациус мне по дому помогает, — вмешалась миссис Райлли. Ее мужество несколько дрогнуло, и она принялась накручивать струну от лютни на бечевку, которой ей перевязали коробки с кексами. — У меня ужасный артюрит.

— Я сметаю пыль, — сообщил Игнациус полицейскому. — А помимо этого в настоящее время сочиняю продолжительное обвинение нашей эпохе. Когда мозг мой истерзан литературными трудами, я развлекаю себя сырной пастой.

— Игнациус так готовит сырные пасты — пальчики оближешь, — гордо встряла миссис Райлли.

— Очень мило с его стороны, — сказал старик. — Мальчишки нонче тока и знают, что гонять по улице.

— Почему бы вам не заткнуться? — осведомился полицейский у старика.

— Игнациус, — дрожащим голосом спросила миссис Райлли. — Чего ты натворил, Туся?

— В действительности, мамаша, я полагаю, всё начал именно он. — И Игнациус показал на старика, державшего его сумку с нотами. — Я просто стоял здесь и дожидался вас, молясь, чтобы доктор вселил в вас надежду.

— Убери отсюда этого баламута, — велела миссис Райлли полицейскому. — Он безобразия чинит. И как такие еще по улицам шастают.

— Вся полиция — комунясы, — сказал старик.

— Я разве не для тебя сказал заткнуться? — разозлился полицейский.

— Я на коленки каждый вечер падаю и боженьке спасибо говорю, что у нас защитники такие, — сообщила миссис Райлли всему сборищу. — Без полиции мы бы все давно уже на том свете в постелях лежали с перерезанным горлом от уха до уха.

— Истинная правда, дочка, — ответила ей какая-то женщина из толпы.

— Помолимся же ж за органы полиции. — Миссис Райлли теперь адресовала свои замечания публике. Игнациус шепотом ободрял, неистово оглаживая ей плечи. — А за комунясов рази ж стоит молиться?

— Нет! — рьяно отозвалось несколько голосов. Старика кто-то толкнул.

— Как есть правда, дамочка, — вскричал старик. — Он хотел вашего парнишку заарестовать. Прямо как в России. Они все тут комунясы.

— Пошли, — сказал фараон старику и грубо схватил его за ворот пальто.

— О боже мой! — простонал Игнациус, наблюдая, как чахлый маленький полицейский управляется со стариком. — Теперь мои нервы совершенно расхались.

— На помощь! — взывал к толпе старик. — Это переворот! Конституцию нарушают!

— Он самашетший, Игнациус, — произнесла миссис Райлли. — Пойдем-ка лучше отсюда, Туся. — Она обратилась к толпе: — Бегите, люди. Он может нас всех укокошить. Лично мне кажется, что он, может быть, *сам* — комунаст.

— Совершенно не нужно утрировать, мамаша, — сказал Игнациус, когда они пробрались через редешую толпу и споро зашагали по Канальной улице. Оглянувшись, он увидел, как старик сцепился с распетушившимся фараоном под часами универмага. — Не будете ли вы так добры несколько притормозить? Мне кажется, у меня шумы в сердце.

— Ох, закрой рот. А мне, думаешь, каково? Мне в моем возрасте вообще так бегать нельзя.

— Боюсь, сердечный орган важен в любом возрасте.

— Ничего твоему сердцу не будет.

— Будет, если мы не сбавим обороты. — Твидовые брюки вздымались на гаргантюанском крестце Игнациуса. — Моя струна для лютни еще у вас?

Миссис Райлли затянула его за угол на Бурбонову улицу, и они углубились во Французский Квартал.

— Чего это полицай к тебе прицепился, Туся?

— Почем мне знать? Вероятно, через несколько мгновений он пустится в погоню — как только усмирит этого пожилого фашиста.

— Ты думаешь? — нервно спросила миссис Райлли.

— Могу себе вообразить... Мне кажется, он был полон решимости меня арестовать. Должно быть, им задают какую-то норму или что-то в этом роде. Я серьезно сомневаюсь, что он позволит мне так легко избежать своих тисков.

— Нет, ну какой ужас! Ты ведь тогда же во всех газетах будешь, Игнациус. Стыд-то какой! Ты все-таки там во что-то влез, пока меня ждал, Игнациус. Я ведь тебя знаю, Туся.